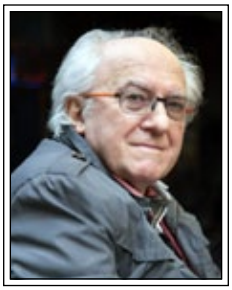
Философская антропология
2015. Т. 1. № 1. С. 49–61
УДК 17.022

ГРАНИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ



Франсуа ЛАРЮЭЛЬ

доктор наук по философии, заслуженный профессор по общей современной философии. Университет Париж X – Нантер (Университет Западный Париж – Нантер-ля-Дефанс). 92001, Франция, Париж, ул. Республики, 200, корпус L; e-mail: francois.laruelle@free.fr

Елена РУДНЕВА
(перевод)

научный сотрудник сектора истории антропологических учений. Институт философии Российской академии наук. 119991, Российская Федерация, Москва, ул. Волхонка, д. 14, стр. 5; e-mail: roudneva@yandex.ru

ДВА ЭТИЧЕСКИХ НАЧАЛА В ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМ МИРЕ

В статье рассматривается связь между нравственностью и развитием техники. Это соотношение не является простым. Нередко оно трактуется так: развёртывание науки и техники рождает новые ценностные установки и преобразует прежние. Отмечается также, что новая этическая идея может возникнуть в результате протеста против технического прогресса и стремления уйти во внутреннюю эмиграцию. Автор анализирует и другие предпосылки этой связи. Влияние этики и техники взаимно. Причинность понимается как реверсивная. Она идёт от этики – к науке и технике, и в равной степени от науки – к этике. Предполагается также, что эта зависимость достаточно очевидна. Указанные три предпосылки, выражая традиционные философские инварианты, образуют систему.

© Ф. Ларюэль © Е. Руднева, перевод

Автор руководствуется методами герменевтического анализа, использует при этом достижения философской антропологии.

Новизна статьи заключается в том, что автор видит потребность разделить науку и технику на два гетерогенных начала. Это размежевание предполагает новое, не-философское описание сущности науки. При таком подходе происходит расщепление связей этики и технологии на две симметричные суб-интепретации. Между этикой, с одной стороны, технологией и наукой, с другой, автор усматривает третий фактор – философию.

В статье показано, что только научная позиция может основать реальную трансценденцию обязательства и заменить её трансцендентными обязательствами. Только наука может избавить человека от чуждых ему целей философии.

Ключевые слова: философия, этика, ценности, наука, техника, технологии, Другой, трансформация, трансценденция, антропология

Пересмотр ценностей и самих оснований этики следует обычно за определёнными историческими обстоятельствами. Его началу, например, могут способствовать научные и технологические революции или просто инновации. Но какова специфическая причинная связь между наукой и техникой, с одной стороны, и этикой, с другой, какой она имеет характер – простой или двоякий – вот основной вопрос, который здесь рассматривается. Обычно рассуждения на эту тему исходят из трех предпосылок:

1) проблема толкования отношений этики с науками и технологиями преимущественно понимается как проблема изобретения новых и трансформации существующих ценностей, либо в смысле адаптации к последним научно-техническим разработкам, либо в смысле сопротивления им; либо появляется некая новая этическая идея, либо происходит отступление или аскетический «уход в себя» перед лицом произошедшего технологического прорыва;

2) эта причинность понимается как взаимная и даже реверсивная, она идёт и от этики – к науке и технике, и в равной степени от науки и техники – к этике;

3) считается, что эта причинность проста с точки зрения науки и техники, влияние которых на этику имеет в целом простой характер. К тому же предполагается, что причинное влияние этики на науку и технику, как и их причинное влияние на этику, хорошо известно и не нуждается в разъяснении.

Эти три предпосылки, выражая традиционные философские инварианты, образуют систему. Они расположены мною от менее значительной к более детерминирующей. Эта система в её целом должна и может подвергаться критике и будет критиковаться в дальнейшем без малейшей уступки одновременно с изложением другой концепции – о

совокупности отношений этики с науками и технологиями, особенно очевидной применительно к третьей – наиболее фундаментальной – предпосылке. Мы ограничим изложенную систему предпосылок, т. е. в действительности всякое традиционное философское рассуждение по этой этической проблеме, и предложим другую, более фундаментальную структуру этих связей или их другое распределение.

Нашу гипотезу можно схематически описать следующим образом: тогда как традиционно раздел проходит между этикой, с одной стороны, и наукой и техникой, с другой стороны, мы проведём основную линию демаркации – больше, чем просто границу – между наукой и техникой и от них в направлении этики. Отсюда выражение «два этических начала» в названии статьи, эти два гетерогенных начала – наука и техника, и мы собираемся вопреки традиции разъединить их сущности, если не фактическое существование, ограничивая таким образом правильность понятия «технонауки» (анализ внутренней структуры этого понятия предлагается ниже). Эта гипотеза (и содержащаяся в ней радикальная критика этих связей с философской или же, как мы говорим, «унитарной» позиции) очевидно предполагает некую переоценку, по меньшей мере, новое не-эпистемологическое описание сущности науки, и отделяет её от философии и техники. Изначально раздел проходил не между философией, с одной стороны, и наукой и техникой, с другой, – именно такое разграничение сейчас повсеместно принято с определенными поправками, смягчениями или ужесточениями – его бы следовало провести между наукой, с одной стороны, философией и техникой в их совокупности, с другой. Данный тезис может являться следствием только нового не-философского описания сущности науки, которое мы, чтобы обосновать нашу критику традиционной позиции по этой проблеме, кратко изложим в заключении.

Начнём с первой предпосылки, согласно которой этика и трансформация этики – одно и то же, и в этом смысле вопрос сводится к её адаптации к научно-техническим инновациям и/или к сопротивлению им. Такая интерпретация проблемы страдает множеством недостатков.

1. Эта интерпретация связей этики и технологии сама является то технологической (адаптация; приспособление; переговоры или сопротивление, предположительно относительные), то этической (абсолютное сопротивление некоторых ценностей и этического измерения, иного в целом, этим переговорам по поводу технологических стратегий и последствий).

Эта интерпретация связей этики и технологии расщепляется, таким образом, на две симметричные суб-интерпретации, которые имеют кругообразный характер или, более того, составляют систему, несмотря на свою гетерогенность. В конечном счёте интерпретация сама становится подверженной колебаниям, нефиксированной, становится зависимой от технологических перемен и этической реакции на них. В худшем слу-

чае она сводится к технической интерпретации этики и её императивов, растворяя их категорический или необусловленный характер в технологических рядах, отношениях и связях. В лучшем случае она закрепляет категорический и абсолютный, совершенно не поддающийся редукции характер этики как области реального Другого. Тем не менее, даже будучи усиленной и поддерживаемой более радикальными элементами, например иудаистскими, этика остаётся «не-технологичной», и – в силу необходимости быть действенной – для сферы технологических ресурсов и связей сохраняется относительной. Независимо от того или иного разрешения вопроса, важно понимать, что между ними имеется хотя и разделяющая их, но связь, что они составляют некое гетерогенное единство, но это единство со-принадлежности и (разумеется, это то же самое) взаимных причинных отношений, которые предполагают лабильность пороговых величин или границ, которые определяются как для этики, так и для техники.

Итак, именно философия и только она предлагает такой тип связи – разделённое или унитарное единство, – и здесь она чувствует себя и хозяйкой, и судьёй, и из этой связи она извлекает для себя пользу, некую прибавочную стоимость авторитета. Между этикой, с одной стороны, технологией и наукой, с другой, есть третий терм – философия. Это может показаться трюизмом; но не покажется, если мы создадим, прямо и без посредников, этику, основанную на науке, а не на философии, и тем самым избежим производства прибавочной стоимости авторитета философии. Предпосылка описываемой интерпретации – полное подчинение этики и науки решениям и неизбежным колебаниям философских решений. Есть, как мыслится при этом, этика над этикой, наука над наукой – это философия, которая втягивает в свой вибрирующий круговорот и строгость науки, и строгость этики. Исчезновение и строгого научного основания этики, и строгого подтверждения её инаковости – вот два последствия влияния философии на этику. Следовательно, задача в том, чтобы примирить научное основание этики и её абсолютную трансцендентность, не обращаясь при этом к посредничеству философского Решения, которое препятствует этому синтезу.

2. Описанная традиционная интерпретация рассматривает науку и этику в числе прочего как два противолежащих терма, которые якобы даны и известны и которые мысль может обозревать и расставлять по своему желанию. К ним относятся как к историческим и культурным трансцендентным фактам и ищут в этической традиции, чем бы ответить на «научно-технические» вызовы. Наука рассматривается как социокультурное, историческое событие («век науки», «научно-технические разработки»), о котором следует размышлять и которое следует законодательно утвердить постфактум. Из этого возникает этика страха, реакции или реакционности, «этика для нашего времени», возможность и особенно реальность которой так же мало выяснены,

как возможность и реальность самой науки. Здесь опять-таки лучше проявить радикализм, нежели теоретическую осмотрительность, и в целом осудить саму *философскую* позицию в этой проблеме. Философия – неважно какая, любой инвариант – интересуется противолежащими термами только как рабочими частями, необходимыми её механизму как поддержка, опора, рабочая сила. Она интересуется только связью *разделённого единства* (разделённого различным образом), связью, которой она их соединила бы и над которой только она властвовала бы. Этика и наука, каждая по-своему, стараются стать автономными по отношению к таким философским решениям, но последние завладевают ими вновь и вновь. Философское решение опирается на науку, этику и т. п., но только для того, чтобы сделать их своим дополнением, восполнением смысла, истины и ценности (в философском смысле этих слов). Оно понимает науку только через разделённую связь, что представляет собой философское Решение, следовательно, посредством своей циркулярной связи с другой вещью, например с этикой; и оно понимает этику только через обоюдную связь с наукой. Но, возможно, именно оно и утверждает этот тип связи в качестве важнейшего? Выхолащивает ли эта связь разделённого единства реальную сущность науки и сущность этики? Эта философская опека науки и этики образует сочленение с неверным пониманием или незнанием того, что в них может быть присущего именно им, специфического, как *мысль* или переживание Реального, и что только иная, а не философская, мысль могла бы прояснить со всей точностью.

Итак, проблема заключается в том, что прежде, чем соединять связью науку, технологию и этику, следует выяснить, что представляют собой каждая из них вне этих связей, какова их сущность, которую следует прояснить, поскольку, возможно, она не исчерпывается этими предположительно уже фактически данными отношениями. Философия не может радикальным образом ставить вопрос об источнике или сущности этих связей, поскольку она вначале увлекается их историко-культурной фактичностью в качестве неизбежной данности и поскольку она довольствуется размышлениями над ними с помощью всей системы манипуляций, усиливает эти связи, за исключением некоторых нюансов, посредством добавления смысла и истины, философских решений. Философия фактически заключает компромисс с этико-технонаучными образованиями, которые нужны для её циркулярной рефлексии и обработки. Отсюда её неспособность реально трансформировать этику с помощью науки и науку с помощью этики. В материальной или трансцендентной реальности истинно, что техника, наука и этика тесно переплетены, амбигуэнтны – так что вообще проблема их взаимоотношений неразрешима. Но делать вывод о неразрешимости вычленения их сущностей из неразрешимости разведения их переплетения – это, возможно, необоснованно с точки зрения науки, хотя это считается об-

основанным с точки зрения философии. Всё же существует этика *для* науки, причём для современной науки – к сожалению, хочется сказать, – но имеем ли мы право возвышать эту связь и вообще все феномены взаимной детерминации до состояния сущности? Такое право присваивает философия. Но почему это не может быть правом науки?

Таким образом, мы элиминируем два решения проблемы. Решение чисто этическое: этика как инверсия техно-науки, как радикальная трансценденция, которая не подтверждается примерами или не проявляется ни в каком технологическом соединении. Затем технологическое решение, которое сводит этические предписания к взаимозависимости средств и целей, материи и формы и т. п. Эти два крайних способа разрешения проблемы – со всеми их промежуточными ступенями – работают в последней инстанции на философию, которая тем не менее, как можно в этом убедиться, не соблюдает ни научную строгость, ни этическую чистоту. Эти два способа разрешения проблемы обрисовывают крайние пределы того, что можно назвать *этико-техно-логией.* Этико-техно-логия не является ни этикой, ни технологией, ни технонаукой в отдельности, она и то, и другое, поскольку все они берутся в объединённом или совместном становлении, которое их соединяет, объединяет или связывает; которое перемешивает или делает неразрешимыми – в различной степени – этическую инаковость и технологическую имманентность связей.

Внутренний закон этико-техно-логии таков: между очевидно этическим феноменом и очевидно техно-логическим феноменом всегда имеется, по меньшей мере, виртуальная зависимость, отношения, которые могут быть актуализированы, разделяющая связь, которая может быть заново осмыслена философией. Или так: всегда возможна технологическая интерпретация некоего этического феномена и этическая интерпретация некоего технологического феномена. Или так: этический феномен представляет собой технологический феномен для другого этического феномена – один представляет другой, который скрывается в первом и даёт повод для причинной связи по типу признака или маски.

Иными словами, матрица этико-техно-логии – это *этико-техно-логическое Различие*; это Конфликт, нерешаемый в разной степени – постоянное противоборство и с этикой, и с технологией. Что же возникает из этой борьбы и что правит этими противоборствующими сторонами? Их Различие, их Конфликт, сама их Борьба – сама философия, как говорят. Посредством этико-техно-логии мы обозначаем технологическое становление, следовательно, этико-логическое становление этики. Этико-логическое – потому что квази-естественное, естественное в том смысле, что технология воспроизводит искусственную природу. Но в комплементарном плане мы понимаем также и этическое становление технологии – в том смысле, что технология принимается вырабатывать кажущееся, объективное видимое новой этики, видимое или иллюзор-

ное, которое не является ошибкой, которое действенно и нерушимо. Эти два процесса становления вместе взятые формируют философское становление этики и технологии; они – как это можно видеть постоянно – насыщаются философской значительностью и действенностью. Они возвращают философию обратно к своей сущности.

Таково первое этическое начало в напряженном техно-логическом мире: его этико-техно-логическое начало – и становление, – с помощью которого этика приговорена на более или менее долгий срок – а вместе с ней и ответственность, ценность, выбор, норма и т. п. – стать имманентной системным связям, сложным и многообразным, как сама эта система. Этика приговорена в технологических стратегиях к утрате своего величия и своей трансцендентности, к смягчению своей категоричности. И здесь нет противоречия: следовало бы долго описывать – здесь мы это делать не будем, – как сливаются без помех, с помощью магического действия постоянной тихой войны, действенность категорического императива и действенность технического императива, как они *представляются* один другому для другого, объединяя категорическую абсолютность долга и обусловленности техники, но это объединение производится при помощи перестановок и сжатий, идентификаций и альтернатив. Почему это слияние, длинное, как сама история, разрушает только низшие, наиболее овеществленные формы трансцендентности или этики и наиболее топорные и грубые формы техники, почему то, что сливается чередующимся и последовательным образом, о котором мы говорили, в конце концов оказывается сущностью этического и сущностью технологического, которые избавляются от своих наиболее репрезентативных и приспособленных форм посредством их общей войны, которая называется этико-техно-логическим Различием.

Каково же другое, второе начало этики? Касается ли оно основания этики? Да. Но при условии, что гетерономность не подменяется автономностью и этика не подвергается риску подчиниться чему-то другому, бытие-заданность не подчиняется бытию-данности. В действительности это философские – этикотехнологические – этики, которые хотят обосновать этическую автономию, автономию Другого, гетерономным этическим образом, т. е. посредством обоснования философского типа и к его выгоде. Следовало бы различать два гетерогенных типа обоснования. Идёт ли речь о том, чтобы принять радикальную трансценденцию Другого как разрушающего всякую онтологическую или философскую власть? Здесь также следует ответить утвердительно. Но при условии, что Другой и этика не будут тайком основываться на уже не онтологической, а трансцендентальной социорелигиозной традиции, которая принимается как таковая. Вот почему, только если возможно показать, что наука является субъектом, наиболее радикальным или наиболее имманентным, наиболее обделённым трансцендентностью, только тогда обоснование этики наукой будет

уважать её автономию, т. е. форму трансцендентности, которая ей в любом случае необходима и которую следует «сохранять». Как раньше мы предлагали различать два типа обоснования, следует различать два типа трансценденции и не обязательно сводить трансценденцию этики к трансценденции онтологии и ещё в меньшей степени к трансценденции религиозного. Повторю: эти «унитарные» смешения, требуемые философией, в реальности программируют технологическое разрушение этики. Например, рациональное самообоснование на кантианский манер – это также длительный, этико-техно-логический феномен; он исчезает вместе с появлением технологической инновации, так же как бытие-заданность заканчивается, когда получает признание как вид онтологического или этико-технологического Различия. Философия *и* технология вместе всегда одерживают верх или самоутверждаются над своими локальными историческими формами, и рациональное самообоснование морального Закона становится простым способом философского Решения.

Условия задачи ясны: трансценденция этики, как и Другого, которая должна быть в любом случае сохранена и даже защищена от философии, не должна усугубляться в ходе или посредством дополнительного философского действия, т. е. посредством трансцендентности онтологически-философского (например, разума) или религиозного типа (Бог, образ Другого). Напротив, она должна корениться в радикальной имманентности, лишённой всякой трансцендентности. Кантовский моральный Закон – это этическая трансцендентность, но усугубленная рациональной трансцендентностью; этика становится в этом случае способом онтологического само-позиционирования, и ей остается только утонуть в этико-техно-логических переменах. Даже Другой в иудаистской этике, на манер Левинаса, хотя уже и более очищенный, базируется, несмотря ни на что, опять на непостижимой экстериорности религиозной традиции и на греческой традиции, в которой она нуждается, чтобы её изменить или разрушить. Как очистить от этих онтологических и религиозных оков реальную и специфическую, абсолютно автономную сердцевину этики, если не при помощи метода имманентного точного описания, который будет описывать исходные данные феноменов, т. е. *реальность* – а не просто возможность – этики? Этим методом, который характеризуется строгостью без имманентности и реализмом, может быть только сама наука. Он будет использовать не философию, которую мы знаем, а скорее трансцендентность (например, трансцендентность «рационального факта», «объективной реальности», «морального Закона» и т. п.), выводя тем самым реальное из идеального, а не наоборот. Более того, если эта имманентность должна быть радикальной, а *следовательно,* фундаментальной, она больше не может быть имманентностью Космоса или некоей прото-природы, используемых в пост-истории: это должна быть

имманентность науки, которая знает этот космос. Радикальная имманентность присуща не корреляту или объекту технонауки, а самому положению техно-науки.

Этико-технологическое Различие, следовательно, не делается ни для науки, ни для человека, но для Бытия, Истории, Разума, Технологии, а значит – для философии как хозяйки этих трансцендентных обобщений. Второе начало означает этику для человека, точнее, с участием человека; основанную на нём как на конечном субъекте науки. Философские этики являются лишь «формулировками» или «формулами» (Кант) такой этики, хотя они и претендуют на нечто большее (даже этика Канта, который, тем не менее, видит эту опасность) – трансформировать её или способствовать её развитию. Вместо того чтобы довольствоваться точным описанием своей реальности в её ограниченности, осуществляемым для и с помощью человека, они трансформируют этику в философский объект и придают ей практическую телеологию, заимствованную у философии и налагающую на этику свои собственные цели, о которых известно, что они не этические, но – как я бы сказал – мета-этические или даже над-этические. Они делают из этики *отображение*, которое опять-таки находится за пределами конечного человека (отображение науки) и пытается навязать себя ему – со всем ворохом трансцендентных обязательств, – чтобы преобразовать его сущность, тогда как абсолютное основание этики, ее не-телеология, представляет собой полное уважение к сущности человека. И этика, которая основывалась бы непосредственно на этой сущности, не могла бы не уважать её.

Поскольку философия, или унитарное основание и этики, и науки, свелась к философскому Решению, другое начало этики, отличное от этико-техно-логического, может быть только наукой. Не столько используя локальные трансцендентные знания, которые наука производит, и новые технологические инвестиции человечества, которые она делает возможными (именно здесь этико-техно-логическая сфера), а, скорее, с помощью своей имманентной по отношению к Реальному позиции, *следовательно,* с помощью своей способности корректно (строго) и реально обосновать этику, – вместо философии, которая становится лишь одним началом наряду с другим. Может ли наука, возразят мне, быть чем-то другим, нежели рациональным фактом или совокупностью трансцендентных фактов, которые в свою очередь должны быть заново осмыслены некоей философией? Или же она достаточно автономна, чтобы быть критерием самой себя, имманентным или трансцендентальным критерием, трансцендентальным проводником по описанию самой себя? Вместо того чтобы придумывать новую этику для науки и тем самым остаться в рамках этикотехнологии, которая объединяет все поправки, приспособления, противодействия или различия, принесённые в технологии и в этики, следует искать не-этикологическое основание

этики в радикальном единстве человека и науки; здесь же следует также искать причины преобразования этико-технологических феноменов в функцию человека как субъекта науки.

Как объяснял Кант, следует не столько разрабатывать новую этику, сколько предложить точное описание феноменального состояния вещей, которые лежат в конечной основе реальной этики, следует выявить реальность (этики), а не только её возможность. Тем не менее для нас феноменальное данное этики больше не рациональный факт общего морального суждения – по отношению к сущности человека это *faktum rationis*, трансцендентный философский или этикотехнологический объект. Мы ищем иное и более имманентное переживание человека, чем философское переживание. Можно предположить, что сущность человека раскрывается – и открывается самой себе – в чётких границах, где содержится субъект науки – не её объект, разумеется, а её субъект, и не следует пренебрегать тем, что это за субъект, во всяком случае – это не субъект философского типа. Этот субъект уже не может быть проверен философским или этико-техно-логическим способом: но что тогда отличает субъекта науки от субъекта философии?

Задача заключается в том, чтобы разработать – если это возможно – не-философскую, следовательно, не-эпистемологическую концепцию науки; показать, что науки, называемые философией «эмпирическими», являются также по-своему трансцендентальными, т. е. достаточно мощными, с одной стороны, чтобы предложить само-описание, не прибегая к философским манипуляциям, а с другой, чтобы одна из них могла сделать философию своим объектом без ее «эмпирического» искажения или расчленения. Я не буду детально рассматривать этот способ. Обозначу только его принцип. С этой целью можно сравнить два основных уравнения, одно метафизическое, другое научное, оба уравнения «реальные» или «трансцендентальные»: 1) logos = бытие, мысль = реальное (метафизика); 2) науки = реальное (наука). Я просто предлагаю в одном и другом уравнении, чтобы Идентичность и Разделение, Одно и Диада, которые их составляют, не распределялись одинаковым образом, но даже изменяли бы свою природу. В философском уравнении Идентичность и Разделение взаимно детерминируются, отражают и влияют друг на друга. В научном уравнении они организуются не в круговую, а в линейную и необратимую последовательность, Диада следует (детерминируется) за Одним, но Одно ею не детерминируется. Следовательно, идентичность в основании науки является Идентичностью без разделения и без идентификации; *Реальное*, которое трансцендентально постулирует науку, является радикально имманентным самому себе, будучи лишённым всякой трансцендентности или небытия, всякого решения и позиции. Это Одно без идентификации и пережитое как таковое представляет собой одновременно человека и абсолютное основание науки в их полном единстве.

Соответственно научное представление является если не Диадой, то дуальностью, но абсолютно первообразной – такой, элементы которой не получаются посредством расщепления и не поддаются идентификации; научное представление Реального не проистекает из него и не способствует его образованию, но «не-тетическое Одно» трансцендентально находится в его основании. Это теория науки как *не-тетического отражения Реального*, отражения не-зеркального, описательного в конечном счёте и не определяющего Реальное. На этой основе можно было бы выделить основные феноменальные данные, абсолютные имманентные данные, которые составляют сущность науки и которые делают из неё аутентичную мысль, мыслительную парадигму более простую и более изначальную, чем философская. Действительно, наука доказывает свою реальность с помощью самой себя, она *index sui* или трансцендентальный критерий, в данном случае строго имманентный своей собственной реальности. Она способна описать сама себя, не прибегая к философским манипуляциям, даже если она использует при этом философскую терминологию.

Такое имманентное само-описание само является наукой, но преимущественно трансцендентальной, поскольку она выявляет трансцендентальные структуры, в которых принимают участие все так называемые эмпирические науки. Одна из таких наук, более изначальная и более мощная, чем философия, может принять философию за свой объект – предданный или «эмпирический», провести различие между Принципом достаточности философии или притязанием философии на детерминирование Реального, которое она подавляет или прерывает, и философским Решением, которое она может описать – описать, но не создать – в исходных феноменологических данных, посредством которых такое Решение достигает состояния *научного объекта* и принимается человеком как субъект науки. Тем с большим основанием точная наука о состояниях предметов этики может быть возможна только на основе человека как конечного субъекта науки.

Этическая наука, основанная столь строгим образом, находит в своём объекте реальную генеалогию, или то, что может *описать* науку в строгих границах; но это не такая генеалогия, которая определяла бы эмпирическую и/или философскую *действенность* этики. Наука находит себе «философию» или «этику» как объекты, она не трансформирует их и не принимает в них участие. Отсюда два начала, два пути становления этики. Имеет место её этико-технологическая трансформация, действенная или унитарная в объединённых границах философии и технологии, смысл и значение которой мы обрисовали. Но имеет место и её экстра-технологическая или реальная трансформация, начиная с возникновения науки и при её участии, т. е. становление всякого другого типа этики, помимо философской. Не важно, какой феномен, например биотехнический, подлежит анализу в соответствии с этими

двумя гетерогенными измерениями, т. е. в каком-то смысле без общей мерки, разве что второе может трансформировать первое, которое берётся в качестве материала – об этом следует помнить. Речь идёт о том, чтобы избежать этико-техно-логических, следовательно, унитарных и к тому же онтологических интерпретаций этих феноменов, относя их, напротив, к гетерономной инстанции науки или человека как инстанции радикальной автономии.

Вторая трансформация соотносится с первой по принципу, согласно которому истинная мысль лучше, чем лучшая этика.

Ценности, нормы, предписания трансформируются здесь посредством описания реальных состояний тех вещей, которые находятся в их основании, например в основании этической или не онтологической трансценденции. Тогда ценности используются парадоксальным образом для описания этих состояний вещей, без попыток их конституировать. В этом и заключается то, что я называю реальной трансформацией. Невозможно сказать, каким мог бы быть её точный механизм. Но можно уточнить ее смысл: речь идет о не-этическом применении этики. Я имею в виду не анти-этику, потому что только философия, не наука, может понять анти-этический но *не-этикотехнологический* момент, следовательно, это реально этическое применение, но на научной основе этико-технологии.

Это применение далеко не очевидно. Но радикальное начало этики заключается в самой научной позиции, подчинение дескриптивности которой Реальному изначально отличается от конституирующего и трансформирующего намерения философии. Но это неприятие и критика технологического экстремизма не означает пассивность или инерцию. Только научная позиция может основать реальную трансценденцию обязательства и заменить её трансцендентными обязательствами. Только она может избавить человека от чуждых ему целей философии. Этика предназначена не для преобразования человека – это этикотехнологическая иллюзия, а для преобразования не-технологического образа действий, который претендует на технологическое преобразование человека, с тем, чтобы поставить технологию на службу не новым философским целям, а исключительно самой сущности человека. У этики нет ни технологических целей, ни средств, однако она преобразует этико-технологию, и эта реальная, не иллюзорная и не отчуждающая трансформация делает её достоверным, или не-тетическим, отражением реальности человека, такая трансформация полагается не в трансцендентных целях, которые она может утвердить в мире, или в философии, но в своей сущности, как простой субъект науки. Разумеется, будучи определённым таким образом, радикальное начало этики, чтобы быть просто человеческим и чтобы сделать из человека того, кто раскрывает реальную основу всякой трансценденции, не является ни антропологическим, ни гуманистическим. Антропология – это дефектный вид онто-

логии, а значит, и этико-технологии с её желанием преобразовать сущность человека. Следовательно, антропология как философия Других по отношению к наиболее радикальному началу этики довольно-таки безнравственна. Я называю безнравственной мысль, которая претендует на преобразование сущности человека, и, разумеется, я должен сюда отнести и философию…

Список литературы

1. Controverse sur la possibilité d'une science de la philosophie (avec Derrida). Forum du Collège International de Philosophie, 1988. (На англ. яз.: Controversy over the Possibility of a Science of Philosophy // *Laruelle F., Alkon G. & Gunjevic B.* (Eds.). The Non-Philosophy Project. New York: Telos Press, 2012. P. 74–92).

2. Dictionnaire de la non-philosophie, Kimé, Paris, 1998. (На англ. яз.: *Laruelle F., Adkins T.* (trans.). Dictionary of Non-Philosophy. Minneapolis, MN: Univocal, 2013 [1998]).

3. En tant qu'un. La "non-philosophie" expliquée aux philosophes. Paris, Aubier, 1991. (На англ. яз.: Philosophy and Non-Philosophy // *Laruelle F., Mackay R.* (Ed). From Decision to Heresy. Falmouth, UK: Urbanomic, 2012. P. 245-56; The Non-Philosophical Paradigm // Laruelle F., Mackay R. (Ed). From Decision to Heresy. Falmouth, UK: Urbanomic, 2012. P. 173–84).

4. Etho-techno-logie: de l'éthique en milieu technologique intense, Annales de l'Institut de Philosophie et de Sciences morales, Bruxelles, 1983. (На англ. яз.: *Laruelle F.; Edlebi A.* (trans.). Etho-techno-logy: Of Ethics in an Intense Technological Milieu // Qui Parle. 2013 [1983]. No. 21(2). P. 157–67).

5. *Laruelle F.* Le concept d'une 'technologie première // Gilbert Simondon: une pensée de l'individuation et la technique. Paris: Albin Michel, 1994. P. 206-219. (На англ. яз.: *Laruelle F., Biswas-Mellamphy N.* (trans.). The Concept of 'First Technology // A 'Unified Theory' of Technics & Technology, 2013. (URL: http://www.academia.edu/3337555)).

6. *Laruelle F., Gracieuse N., Rubczak N., Smith A.P.* (trans.). Why do philosophers need to use ethics? 2011. (URL: http://backdoorbroadcasting.net/2011/12/francois-laruelle-pourqoi-une-ethique-a-lusage-des-philosophes).

7. Le concept d'une éthique ordinaire ou fondée dans l'homme // Rue Descartes. 1993. No. 7. (На англ. яз.: *Laruelle F.; Adkins T.* (trans.). The Concept of an Ordinary Ethics or Ethics Founded in Man, 2012 [1993]. (URL: http://univocalpublishing.com/blog/108-the-concept-of-an-ordinary-ethics-or-ethics-founded-in-man)).

8. Philosophie et non-philosophie, Liège-bruxelles, Mardaga, 1989. (На англ. яз.: *Laruelle F., Adkins T.* (trans.). Philosophy and Non-Philosophy. Minneapolis, MN: Univocal Press, 2013).